

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2022.3.1

EDN JZLNBW

Тип статьи в журнале – научная

СМЫСЛ СТАРОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

THE MEANING OF OLD AGE IN THE CONTEXT OF POSTMODERN SOCIETY

© 2022 г.

С. И. Самыгин*

© 2022

S. I. Samygin*

* Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Rostov State University
of Economics,
Rostov-on-Don, Russia

Целью исследования является социально-философское осмысление старости в современных и постсовременных обществах, маркером которой считается возраст выхода на пенсионное обеспечение.

Objective of the study is a socio-philosophical understanding of old age in modern and post-commercial societies, the marker of which is considered the age of pension provision.

Методологическая база исследования строится на социально-философском дискурсе старости, в рамках личностной геронтологической идентификации, с применением теоретико-методологического инструментария социальной синергетики.

The methodological basis of the research is built on the socio-philosophical discourse of old age, as part of personal gerontological identification, using the theoretical and methodological instrumentation of social synergetics.

Результаты исследования: в статье представлены факторы, формирующие статус стариков, проведен ретроспективный анализ, обнаруживающий отношение общества к старости, показана роль семьи в поддержании старости. Проанализированы факторы неопределенности идентичности пожилого человека в контексте постсовременного общества.

Research results: the article presents the factors that form the status of the elderly, a retrospective analysis that reveals the attitude of society to old age is conducted, the role of the family in maintaining old age is shown. The factors of the uncertainty of an elderly person identity in the context of a post-commissary society are analyzed.

Перспективы исследования рефлексивного осмысления старости в постсовременном обществе связаны с дальнейшим глубоким анализом ее личностно-экзистенциальных и социально-культурных паттернов.

Prospects of the study. The reflective understanding of old age in a post-commissary society is associated with a further deep analysis of its personal-existentialist and socio-cultural patterns.

Ключевые слова: старость, старение, идентичность, постсовременное общество, институт семьи, постсовременная культура, индивидуализм, автономия

Keywords: old age, aging, identity, post-modern society, family institution, post-modern culture, individualism, autonomy

Введение. Старость, в отличие от зрелого и молодого возраста (Kashina, 2020), представляет собой комплексный феномен, включающий биологические, социально-психологические и социокультурные аспекты: биологически старость означает физическое ослабление организма и естественное сужение возможностей человека, снижение его социально-психологической активности. Старость с очевидностью воспринимается как возраст приближения к смерти – и именно этот факт придает этому периоду существования человека особое значение. Однако, если понятен общий смысл феномена старости, его биологические границы и социокультурные интерпретации отнюдь не однозначны.

Социальные маркеры старости. В современных и постсовременных обществах маркером старости является возраст выхода на пенсию. В большинстве развитых западных стран возраст выхода на пенсию установлен в диапазоне от 60 до 65 лет; это также обычно считается переходом от среднего возраста к старости. Однако за пределами Запада возраст выхода на пенсию может быть существенно ниже или несколько выше. Так, в совместном отчете Национального института старения США и Регионального бюро Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) для Африки за 2001 г. начало старости в странах Африки к югу от Сахары установлено на уровне 50 лет (Kowal, 2001). Пенсионный возраст определяется уровнем жизни, влияющим на здоровье, а также возможностями для плодотворной социальной активности, значительно меняющимися в различных обществах.

Сама возможность для пожилых людей получать пенсионное обеспечение, воспринимаемая сегодня как нечто само собой разумеющееся, означает произошедший не так давно революционный поворот в отношении общества к старости. На протяжении большей части человеческой истории выживание пожилых людей зависело либо от них самих, либо от родственников. Но и сегодня пенсионное обеспечение не является универсально распространенным, что обуславливает значительное ухудшение условий жизни пожилых людей после прекращения профессиональной деятельности, тем более даже дополнительное профессионально-педагогическое образование не рассчитано на возрастных пенсионеров (Власова, 2010).

Даже там, где достойное пенсионное обеспечение существует, выход на пенсию часто сопряжен со значительным снижением уровня дохода. Вместе с ослаблением здоровья и сужением возможностей для социальной активности это ухудшает качество жизни людей в пожилом возрасте. Поскольку пенсионная система является довольно затратной, лишь наиболее развитые в экономическом плане государства могут обеспечить достаточно высокий доход

своим пожилым гражданам, но даже в развитых странах это становится сложным по мере роста уровня жизни и увеличения количества людей, доживающих до преклонного и очень преклонного возраста. Пожилой возраст в современных условиях оказывается довольно продолжительным периодом жизни человека.

И это ставит определенные психологические и культурные проблемы, поскольку невозможно свести по крайней мере пятнадцать – двадцать лет жизни (от 60 до 75–80) только лишь к ожиданию смерти и подведению жизненных итогов. Возникает проблема позитивного наполнения этого периода жизни, определения возможностей для социальной активности и продуктивной деятельности пожилых людей, вес которых в демографической структуре развитых обществ постоянно возрастает – на фоне уменьшения числа молодежи, обусловленного снижением рождаемости.

Сами пожилые люди, как правило, стремятся продолжать профессиональную деятельность, если физические возможности им позволяют, а для большинства «молодых пожилых» (60–65 лет) это вполне реально. Однако не секрет, что люди пенсионного и даже предпенсионного возраста сталкиваются с проблемами на рынке труда. Они являются первыми кандидатами на увольнение, а также сталкиваются с эйджизмом при поиске новой работы.

Отношение общества к старости: ретроспективный анализ. Негативное отношение к старости имеет давнюю историю. Вопреки распространенным стереотипам, в домодерных обществах старость вовсе не всегда пользовалась почетом и уважением. В своей работе «История старости: от Античности до Ренессанса» Дж. Миноис проследил динамику отношения к старости в разные исторические эпохи (Minois, 1989).

Основная тема, проходящая через всю книгу, заключается в том, что для стариков никогда не существовало «золотого века». Исследуя огромный период, начиная с 2450 г. до н. э. и заканчивая XVI в., Миноис показывает, что даже в лучшие для стариков времена их положение было двусмысленным и противоречивым. Правда, возникает закономерный вопрос об источниках информации. Подобно Ф. Арьесу в его исследованиях детства (Арьес, 1999), Миноис обращается к культурной информации, в частности к искусству того или иного периода, чтобы сделать выводы о статусе пожилых людей. Много внимания он уделяет литературным источникам, включая философские трактаты, Ветхий Завет, поэзию, драму, письма, эссе и проповеди. Среди наиболее известных авторов, к которым он обращается, – Софокл, Еврипид, Платон и Аристотель, дающие представление о греческом мире, Ювенал, Гораций, Сенека и Цицерон, рассказывающие о мире римском, христианские авторы Иоанн Златоуст, Святой Августин, Чосер, Данте, а также Монтень, Макиавелли, Эразм и Шекспир. Понятно, что подобные источники не дают количественных данных, однако они позволяют обнаружить культурный смысл старости, её понимание и отношение к ней в разные эпохи.

Там, где это возможно, Миноис использует более точные источники, такие как юридические документы, церковные архивы, погребальные надписи и переписи населения.

Миноис отмечает, что для отдаленных периодов прошлого литературные источники являются единственными доступными данными. Они дают частичное видение реальности – хотя бы на уровне культурных смыслов и ценностей. Для более поздних периодов он дополняет анализ другими более объективными данными, которые удастся найти. Если отбросить вопросы об источниках данных, Миноис показывает, что статус стариков не имел четкого определения на протяжении довольно долгих веков – от Ближнего Востока, древнееврейского мира, Древней Греции и Рима, Средневековья и вплоть до эпохи европейского Ренессанса.

Как утверждает Миноис, первым, кто заговорил о старости, был древнеегипетский писец, живший в III тыс. до н. э. История донесла до нас его жалобу, обращенную к Богу: «О, Владыка мой Господь! Пришла старость; наступила старость. Пришла беспомощность; ослабление разума. Сердце спит устало. Глаза слабеют, уши глухи. Силы исчезают от утомления сердца, а уста молчат и не могут говорить. Сердце не может вспомнить вчерашний день. Кость страдает от старости. Добро становится злом. То, что старость делает с людьми, есть зло во всех отношениях» (цит. по: Minois, 1989).

В мире, каким он предстает в Библии, положение старых людей менялось по мере того, как менялся характер общества. В кочевой период истории еврейского народа старики считались естественными лидерами и связующим звеном с предками, хранителями традиции. Думается, эту установку можно экстраполировать на любые кочевые общества, не только древнееврейское. М. Вебер в его известном анализе типов господства выделял геронтократию, власть старейшин, как одну из форм традиционного господства, присутствовавшую во многих архаичных обществах. С переходом от первобытного патриархального общества к эпохе царей, а затем к более сложному, более организованному и более структурированному сакральному государству старики во многом потеряли прежний престиж и безопасность, что было связано с утратой их функции естественного лидерства. Теперь лидерство обеспечивалось политическими структурами, а сохранение традиции также обеспечивалось определенными социальными группами, а не стариками.

Древняя Греция предпочитала молодость и зрелость старости, которая считалась божественным проклятием. Лишь в «Утопии» Платона старики играли важную роль, о них заботились, но даже у Платона можно прочесть мысль о том, что старики сталкиваются с большими тяготами. Аристотель в своей «Этике» замечал, что старые люди скупы, им чужда бескорыстная дружба, они стремятся лишь к удовлетворению своих эгоистических желаний.

В Спарте положение стариков было несколько лучше, чем в других греческих полисах, – Миноис объясняет это тем, что Спарта была военным обществом. Если предположить, что, будучи воинами, многие спартанцы, ско-

рее всего, умерли бы, не дожив до старости, то, вероятно, старики пользовались престижем отчасти потому, что проявили особое воинское мастерство, а также были немногочисленны. Кроме того, Спарта была довольно примитивным обществом, а выше мы видели, что наиболее архаичные общества склонны ценить стариков как хранителей традиции.

В римском мире старики имели определенное значение в политической и социальной жизни. Но, прослеживая историю Рима от республики до периода империи, Миноис отмечает изменения от более архаичного времени, когда старики обладали престижем и властью, к более позднему периоду, когда их социальное значение снижалось. В то же римская культура дает примеры попыток обнаружить позитивный смысл старости. В римский период Сенека в своих «Нравственных письмах к Луцилию» предупреждает, что старики не должны оставаться праздными, но должны работать для потомков и продолжать учиться.

В целом в классический период Античности, как греческой, так и римской, старость воспринималась преимущественно негативно, ассоциируясь с дряхлостью и страданием.

Раннее Средневековье было временем жестокости и экономического упадка. В таких условиях участь стариков была незавидна, особенно среди бедняков, большинство должно было физически работать как можно дольше. Однако именно в эпоху Средневековья появляется традиция заботы о стариках и больных, которую осуществляли монастыри и монашеские ордены.

Рассматривая положение стариков в эпоху Средневековья, следует, конечно, учитывать фактор социального положения: высокий социальный статус, богатство и занятие уважаемых должностей облегчали бремя старости, в то время как бедность его усугубляла. В этом смысле мало что изменилось в мире со времен Средневековья.

Эпоха Ренессанса с её ориентацией на идеализированную античность прославляла молодость, красоту и новизну, она была враждебна по отношению к старости как предвестнику упадка, дряхлости и смерти. Данте в начале XIV в. рассматривал возраст дряхлости как подготовку к смерти; старики должны отказаться от всех земных удовольствий и вести религиозный образ жизни. В утопических сочинениях Т. Мора и А. де Гевара в совершенном обществе места для дряхлых стариков не было (Minois, 1989).

В своем проекте утопического государства Т. Мор не предусматривал для стариков счастливого существования. Когда люди становятся настолько старыми, что «переживают себя» и страдают от неизлечимых болезней, испытывают боль и являются бременем для других, священники увещевают их сделать выбор в пользу смерти. Предполагалось, что они будут счастливы после смерти, которую можно было приблизить, приняв опиум или умерев от голода.

В мире А. де Гевары существовал обычай, согласно которому не следует жить дольше 65 лет. Достигнув этого возраста, старики должны были

практиковать самосожжение. Гевара видел в этом позитивное явление – преодоление естественного желания жить, излишнего аппетита к жизни.

Однако, хотя литература и искусство склонялись к культу молодости и проклятию старости, существовало противоречие между тем, что говорилось, и той ролью, которую некоторые старики играли на самом деле. Пожилые люди нередко играли важную политическую и экономическую роль. И эта ситуация также характерна для современных обществ, где политическая власть и ключевые экономические рычаги находятся в основном в руках людей отнюдь не молодых.

Факторы, формирующие статус стариков. Анализируя положение стариков в широкой исторической перспективе, Миноис отмечает ряд факторов, которые влияли на статус стариков.

Во-первых, там, где общества были анархичными и слабоструктурированными, где большую роль играла физическая сила, как, например, в эпоху Меровингов, участь стариков было особенно тяжелой из-за их физической уязвимости и недостатка прочных социальных связей, которые могли бы обеспечить им поддержку. В обществах более стабильных и структурированных положение стариков было более прочным, что, однако, не означает автоматически высокого престижа старости и уважения к ней.

Во-вторых, там, где старики выступали в качестве связующего звена между поколениями, как представители коллективной памяти, общества склонны были выше ценить пожилых людей, поскольку старость ассоциировалась с мудростью и необходимым опытом. Такая ситуация характерна для наиболее архаичных обществ (Верещагина, 2020), где обнаруживается и феномен геронтократии, естественной власти пожилых людей. Старики играют большую роль в сохранении коллективной памяти, передаче устной традиции, сакральных мифов. Парадоксально в некотором смысле, что изобретение письменности негативно влияет на статус стариков как хранителей священной традиции – ведь письменность дает возможность фиксировать и сохранять знание, не полагаясь только лишь на память.

В-третьих, общества, где существовал культ физической красоты, как, например, в Античности (но в некотором роде этот упрек можно адресовать и современным обществам с их одержимостью молодостью и физическим совершенством), особенно склонны обесценивать старость.

В-четвертых, главной средой поддержки для стариков на протяжении столетий была семья. И там, где существовала расширенная патриархальная семья, старики получали больше помощи. Кроме того, их существование имело определенный социальный смысл, связанный с заботой о младшем поколении. Также патриархальная семья, как правило, обеспечивала власть старшего поколения над младшим, прежде всего власть старшего мужчины в семье (Vlasova, 2020). Собственно, именно идеализированная память о патриархальной семье составляет основу нынешних стереотипных представлений о почёте, которым были окружены старики в прошлом, хотя идеальная и гар-

моничная патриархальная семья никогда не существовала (Артамонова, 2020). Чуть позже мы обратимся к вопросу о том, как динамика института семьи в современных обществах влияет на статус пожилых людей в современных обществах.

В-пятых, общества, где большую роль играет экономическая и культурная активность, не связанная напрямую с физическими усилиями, позволяли старикам достичь высокого статуса и удерживать его, как, например, в купеческих и банковских кругах античного Рима. Сфера торговли, финансов и управления дает возможность пожилым людям сохранять свой статус и престиж. И в то же время богатство и влияние пожилых людей могут вызывать зависть и чувство соперничества у молодых и вести к росту межпоколенческой враждебности и даже насилию над пожилыми людьми в семье (Верещагина, 2017).

Следует отметить, что на статус пожилых людей значительно влияло экономическое положение, а также гендерная принадлежность. Высокий социальный статус и богатство облегчали участь пожилых людей во всех обществах, где имелось заметное экономическое неравенство. Но положение пожилых женщин нередко было тяжелее, чем положение пожилых мужчин, – в этом случае ситуация просто отражала гендерное неравенство в обществе в целом (Касьянов, 2021).

Несмотря на колебания положения пожилых людей в различные исторические эпохи, по-видимому, никогда не существовало обществ, где старость была бы предпочтительнее молодости и зрелости. Даже признавая за старостью позитивные свойства – прежде всего мудрость и спокойствие, люди никогда не стремились к старости и всегда испытывали страх перед ней. Мечты о сохранении или возвращении молодости отразились в фольклоре – можно вспомнить известный сюжет о молодильных яблоках (или других плодах или волшебных предметах, способных омолодить человека). В условиях современных технологически развитых обществ эти давние мечты превращаются в научные изыскания, связанные с продлением жизни и даже обретением бессмертия. Страх перед старостью – это не только страх перед страданием и немощью, но и страх перед небытием. Таким образом, отношение к старости вписано в определенный культурный контекст, имеет отношение к предельным вопросам человеческого существования.

На протяжении большей части человеческой истории естественные условия не способствовали многочисленности пожилых людей. Демографическая структура традиционных обществ предполагает преобладание людей молодых и среднего возраста (Гафиатулина, 2020), дети и старики были особенно уязвимыми для болезней и лишений группами населения.

Роль семьи в поддержании старости. Поддержание благополучия пожилых людей, утративших способность к самостоятельной деятельности, всегда было делом семьи или общины, хотя, как мы упоминали выше, в эпоху Средневековья в Европе, а потом и в других христианских обществах, в том

числе и в России, появляется прообраз современной благотворительности, монахи и монастыри могли обеспечивать прибежище старикам и больным, хотя, конечно, на их попечении оказывались отнюдь не все, кто в такой поддержке нуждался.

Формирование обществ современного типа постепенно вело к существенным изменениям в положении пожилых людей. Патриархальная сельская семья и другие институты общинной солидарности, характерные для традиционных обществ, начинают распадаться под влиянием развития капиталистической экономики, процессов индустриализации и урбанизации. Индустриальное общество базируется на нуклеарной семье, забота о пожилых и их традиционный авторитет оказываются под угрозой в результате вполне объективных социально-экономических процессов.

В то же время рост уровня жизни, развитие медицины и ее относительная доступность создают условия для существенного продления жизни и увеличения численности пожилых людей. «Самым поразительным... является увеличение с 1900 г. продолжительности жизни на 30 лет в Англии, Франции и США. Увеличение продолжительности жизни в Индии, Китае и Японии было сравнимым или даже большим» (Кляйненберг, 2014). В этих новых социально-экономических условиях возникает вопрос о государственной пенсионной поддержке пожилых людей, а также о формировании организаций, как государственных, так и частных, ставящих своей целью заботу о пожилых людях, на которую оказываются неспособны их родственники. Однако лишь незначительная часть пожилых людей в современных обществах выказывают желание оказаться в положении опекаемых. На это влияет и культура современных обществ – индивидуалистичная и активистская.

Негативное отношение к пожилым людям в современных обществах сохраняется, несмотря на значительное изменение их положения. Сегодня пожилой возраст вовсе не является синонимом физического и умственного упадка, однако негативные стереотипы в отношении пожилых продолжают определять доминирующее отношение к ним в массовом сознании, а также в сознании самих пожилых людей, для которых приспособление к старости оказывается сложной психологической проблемой. Приспособиться к пожилому возрасту оказывается трудным по целому ряду причин. Часть из них традиционна, т. е. естественно связана с самим биологическим процессом старения, и универсальна, но часть имеет относительно новый характер и обусловлена социокультурными факторами, свойственными современным развитым обществам.

В этом плане важно обратить внимание на текучий характер современных социальных статусов и ролей, текучесть самой системы социальных позиций, неопределенность идентичностей, о чем писал, в частности, З. Бауман (Бауман, 2008). В обществах позднего модерна статусы и идентичности перестают быть стабильными, даже биографии утрачивают цельность. Под влиянием динамичности обществ позднего модерна человек зачастую бывает вы-

нужден резко менять род занятий, место жительства, разрывать прежние связи и налаживать новые. Эта новая динамичность затрагивает и идентичности, связанные с возрастом.

Статусы и идентичности, обусловленные возрастом, всегда относились к идентичностям предписанным. Но в современных обществах, в которых предписанные идентичности и статусы все более ослабевают, возраст тоже становится проблематичной категорией. Биологический возраст, т. е. количество прожитых лет, ничего не сообщает человеку о том, как он должен жить, к чему стремиться, чем заниматься и интересоваться. Содержательное наполнение старости оказывается делом личного выбора, а наличие физических ограничений – только лишь вызовом, требующим ответа от личности. Если сегодня в развитых обществах даже тяжелая инвалидность или психические проблемы не рассматриваются как приговор, то почему в качестве приговора должен рассматриваться возраст?

Факторы неопределенности идентичности пожилого человека. Неопределенность идентичности пожилого человека в современных условиях связана с целым рядом факторов.

Во-первых, это рост уровня жизни и современная медицина, индустрия здоровья, позволяющие отодвигать временные границы старости и сохранять физическое здоровье дольше, чем это было возможно даже в относительно недавнем прошлом. В современных развитых обществах пожилой человек действительно сохраняет способность к плодотворной деятельности, в связи с чем дискриминация по возрасту оказывается фактором, не только ограничивающим индивидуальные права, но и наносящим урон экономике, поскольку люди, способные вносить вклад во всеобщее благосостояние, оказываются отчуждены от позитивной деятельности.

Невозможность заниматься полноценной профессиональной деятельностью, как свидетельствуют данные исследований, нередко способствует ухудшению физического и психического состояния пожилых людей. В современных обществах самореализация через профессию является доминирующей, поэтому утрата работы, а также социальных связей, связанных с участием в совместной деятельности, создает ощущение пустоты и бессмысленности жизни. Перед пожилым человеком встает вопрос, для чего он живёт, и этот вопрос обусловлен не столько действием возрастных изменений, сколько социально-экономическими факторами.

Во-вторых, важным фактором, проблематизирующим сегодня идентичность пожилого человека, является динамика института семьи.

Патриархальная многопоколенная семья, предусматривающая жесткую поколенческую и гендерную иерархию и четкие ролевые модели, давно ушла в прошлое, сменившись нуклеарной семьей, характерной для индустриальных урбанизированных обществ. Нуклеарная семья подразумевала раздельное проживание представителей разных поколений. Совместное проживание старшего поколения вместе с молодыми супругами и их детьми (Верещагина,

2021), обусловленное главным образом экономическими ограничениями, воспринималось как вынужденное, а не нормальное.

Разделение поколений разрушало иерархию, подрывало авторитет старших. При этом младшее поколение не только, а зачастую и не столько поддерживало старшее, сколько пользовалось его ресурсами. Отношения между поколениями нередко приобретали конфликтный характер (Гафиятулина, 2016). Динамика института нуклеарной семьи в развитых обществах двигалась в сторону всё большей эгалитарности и автономии её членов.

В эпоху постсовременности, на исходе XX – в начале XXI в., этот институт все больше меняется, возникают новые формы совместного проживания и отношений, зачастую не ориентированных на освященный историей идеал союза на всю жизнь. Постоянно растет количество людей, сознательно предпочитающих «жизнь соло» (Кляйненберг, 2014), легко меняющих отношения или вообще обходящихся без них. Устойчивые отношения воспринимаются как препятствие для социальной мобильности и самореализации.

Применительно к статусу и идентичности пожилых людей это означает, что они уже не могут идентифицировать себя через семейные роли, как это имело место на протяжении практически всей истории человечества. Семья перестает быть для них главной опорой и смыслом жизни. Всё больше пожилых людей сознательно выбирает автономное существование. Хотя при этом сохраняется и даже обостряется проблема вынужденного одиночества пожилых людей, особенно тех, кто достиг глубокой старости и действительно нуждается в помощи и поддержке.

В-третьих, важным фактором, проблематизирующим идентичность пожилых людей, является культурная неопределенность, уже упомянутое выше отсутствие универсальной модели старости.

Современная – или уже постсовременная – культура характеризуется огромным многообразием, гетерогенностью смысловых содержаний. Кроме того, это культура индивидуалистического и гедонистического общества, где точкой отсчета является индивид, обреченный на свободный выбор даже в отношении тех аспектов реальности, которые еще недавно казались природной данностью. Возраст тоже в определенной степени относится к таким аспектам. Но постсовременный индивид, находящийся в ситуации постоянного выбора – не только потребительского, но и экзистенциального, существует в достаточно жесткой и малоаяпредсказуемой социально-экономической и политической реальности. Наличие широкого выбора целей, ценностей и моделей поведения не гарантирует жизненного успеха, прочные социальные гарантии в реальности доступны далеко не всем. Направляемый современной культурой к самореализации индивид должен сам обеспечивать своё выживание и благополучие, часто уже не имея возможности опираться на социальный капитал – прочные социальные связи. В то же время социальная среда обитания современного человека, по крайней мере живущего в развитом обществе, безопаснее, чем это было в прошлом, и проблемы, с которыми он

сталкивается, по большей части имеют экзистенциальный, а не грубо-материальный характер. Хотя недавние события, связанные с пандемией, показывают, что не стоит переоценивать и достигнутый уровень физической безопасности. Необходимо осознавать, что нынешнее общество продолжает оставаться обществом риска, хотя риски эти могут не выглядеть до определенного момента очевидными.

Сегодня практически каждый пожилой человек нередко оказывается в психологически травматичной ситуации рассогласования личностных способностей и социальных возможностей. Во многом это связано с сохраняющимися негативными стереотипами (Гафиатулина, 2019) в отношении пожилых людей. В результате формируется своеобразная модель избегания старости. Причем даже не столько возраста самого по себе, сколько принятия того стереотипного негативного образа старости, который сохраняется в общественном сознании и массовой культуре даже вопреки реальности.

Но пока для пожилых людей, сохраняющих бодрость и активность, встают проблемы поиска модели продуктивной жизни и обретения смысла существования, для других их собратьев встают проблемы еще более трудные: «Старый и одинокий человек попадает в зону риска не только в период болезни или какого-либо кризиса – он постоянно ощущает, что качество его жизни в целом резко ухудшается... Среднестатистический взрослый проводит в одиночестве приблизительно 3 часа в день. Картина у живущего в одиночестве престарелого человека совсем другая... Престарелые живущие в одиночестве австралийцы проводят совершенно одни 12,5 часа в день, или 80 % времени бодрствования... японцы старше 65 лет проводят в одиночестве 12 часов бодрствования... На долю одиноких престарелых американцев общения выпадает немногим больше. Согласно результатам Американского исследования об использовании времени (American Time Use Survey), в 2003–2006 гг. среднестатистический одинокий престарелый американец 10 часов в день проводил в одиночестве» (Кляйненберг, 2014).

Одиночество является трудным испытанием для человека в любом возрасте, оно представляет собой угрозу как психическому, так и социальному здоровью (Гафиатулина, 2022). Но одиночество нередко становится угрозой и для физического существования пожилых людей. Однако исследователи отмечают: «большинство одиноких престарелых тем не менее считает, что продолжать жить в одиночестве все равно лучше, чем переехать не только в дом престарелых (понятно, что попасть туда никому не хочется), но даже и к собственным детям. Большинство американцев и европейцев (а также постоянно увеличивающееся количество одиноких людей в других странах) настолько ценит независимость, что их чувства цельности и собственного достоинства напрямую связаны с собственной автономностью» (Minois, 1989. P. 168).

Заключение. Таким образом, мы можем заключить, что помимо естественных трудностей, связанных с физической немощью, характерных сегодня далеко не для всех пожилых, главными вызовами для современных ста-

реющих людей становятся поиски смысла существования, сохранение достоинства и возможностей для плодотворной деятельности. Учитывая постоянный рост количества пожилых людей в современных развитых обществах, можно прогнозировать, что культура этих обществ будет развиваться в сторону дальнейшего переосмысления феномена старости и поиска новых смыслов, связанных с этим периодом человеческой жизни.

Литература

Артамонова Я. В. Ценность семьи в массовом сознании российского населения в рискогенных условиях жизнедеятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 15–19.

Арjes Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 416 с.

Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Верещагина А. В., Ковалев В. В., Самыгин С. И. Насилие над пожилыми людьми в семье как социальная проблема // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 23–27.

Верещагина А. В., Кротов Д. В., Самыгин С. И. Трансформация семейно-брачных ценностей молодежи на Юге России: архаизация, традиционализация, модернизация? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 31–35.

Верещагина А. В., Рачина А. В., Самыгин С. И., Щербаклова Л. И. Молодая семья в России в условиях демографического кризиса. М., 2021.

Власова В. Н. Региональное социокультурное пространство дополнительного профессионально-педагогического образования : автореф. дис. д-ра филос. наук. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2010.

Гафиатулина Н. Х. Детерминанты формирования этнических стереотипов в среде молодежи Юга России в контексте анализа теорий происхождения этнических стереотипов // Кавказ: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. ст. / отв. Ред. И.П. Добаев. Ростов н/Д., 2019. С. 50–58.

Гафиатулина Н. Х., Верещагина А. В., Самыгин С. И. К вопросу об институцио-

References

Artamonova, Ya. V. (2020). The value of the family in the mass consciousness of the Russian population in risky conditions of life. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 6, 15-19. (In Russian).

Arjes, F. (1999). The child and family life under the old order. Yekaterinburg: Urals University Press. (In Russian).

Bauman, Z. (2008). Current modernity. St. Petersburg: Peter Publ. (In Russian).

Vereshchagina, A.V., Kovalev, V.V., Samygin, S.I. (2017). Violence against the elderly in the family as a social problem. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 1, 23-27. (In Russian).

Vereshchagina, A.V., Krotov, D.V., Samygin, S.I. (2020). Transformation of family and marriage values of young people in the south of Russia: archaization, traditionalization, modernization? *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 2, 31-35. (In Russian).

Vereshchagina, A.V., Rachipa, A.V., Samygin, S.I., Shcherbakova, L.I. (2021). A young family in Russia in a demographic crisis. Moscow. (In Russian).

Vlasova, V.N. (2010). Regional socio-cultural space of additional professional and pedagogical education. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don). (In Russian).

Gafiatulina, N.Kh. (2019). Determinants of the formation of ethnic stereotypes among the youth of southern Russia in the context of the analysis of theories of the origin of ethnic stereotypes. *Caucasus: Yesterday, Today, Tomorrow*. Collection of scientific articles. In I.P. Do-baev (Ed.). Rostov-on-Don, 50-58. (In Russian).

Gafiatulina, N.Kh., Vereshchagina, A.V., Samygin, S.I. (2016). To the question of the

нальном кризисе молодой семьи: проблемы формирования социального здоровья // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10. С. 60–64.

Гафиатулина Н. Х., Воробьев Г. А., Шевченко А. М. Новое одиночество как фактор влияния на социальное самочувствие российского общества в условиях ограничительных мер в период пандемии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 223–228.

Гафиатулина Н. Х., Щербаклова Л. И., Самыгин С. И. Социальное здоровье российской молодежи в контексте теории жизненного пути индивида // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 36–41.

Касьянов В. В., Власова В. Н. Пандемия как социальная трагедия для российского населения: обострение системы неравенств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 1.

Кляйненберг Э. Жизнь соло: новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 279 с.

Kashina Ju.V., Gluzman Iu.V. [et al.] Assessment of the level of anxiety as an indicator of regulatory-adaptive capabilities of students to educational load in higher educational institution // *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology*. 2020. Vol. 17, № 6. P. 743–752.

Kowal P., Peachey K. Indicators for the Minimum Data Set Project on Ageing: A Critical Review in sub-Saharan Africa // *World Health Organization (report)*. 2021. 1st December. P. 9.

Minois G. History of old age: From antiquity to the renaissance. Transl. by S. H. Tenison. Chicago: The University of Chicago Press, 1989. 343 p.

Vlasova V. N., Samygin S. I., Samygin P. S., Bortsov Y. S., Aperyana A. V. Family as a factor of social inequality in the context of the modern social policy // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1100. P. 554–564.

institutional crisis of a young family: problems of the formation of social health. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 10, 60-64. (In Russian).

Gafiatulina, N.Kh., Vorobyov, G.A., Shevchenko, A.M. (2022). New loneliness as a factor influencing the social well-being of the Russian society under restrictive measures during the pandemic. *State and Municipal Management. Scientific Notes*, 1, 223-228. (In Russian).

Gafiatulina, N.Kh., Shcherbakova, L.I., Samygin, S.I. (2020). Social health of Russian youth in the context of the theory of the individual's life path. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 2, 36-41. (In Russian).

Kasyanov, V.V., Vlasova, V.N. (2021). Pandemic as a social tragedy for the Russian population: exacerbation of the system of inequalities. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 1. (In Russian).

Kleinenberg E. (2014). Life solo: The new social reality. Moscow: Alpina non-fiction Publ. (In Russian).

Kashina, Ju.V., Gluzman, Iu.V., [et al.] (2020). Assessment of the level of anxiety as an indicator of regulatory-adaptive capabilities of students to educational load in higher educational institution. *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology*, 17, 6, 743-752.

Kowal, P., Peachey, K. (2021). Indicators for the Minimum Data Set Project on Ageing: A Critical Review in sub-Saharan Africa. *World Health Organization (report)*, 1st December, 9.

Minois, G. (1989). History of old age: From antiquity to the renaissance. Transl. by S.H. Tenison. Chicago: The University of Chicago Press.

Vlasova, V.N., Samygin, S.I., Samygin, P.S., Bortsov, Y.S., Aperyana, A.V. (2020). Family as a factor of social inequality in the context of the modern social policy. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 1100, 554-564.

Для цитирования: *Самыгин С. И.* Смысл старости в контексте постсовременного общества // Гуманитарий Юга России. 2022.3 (55). Т. 11. С. 16–29.

DOI 10.18522/2227-8656.2022.3.1

История статьи:

Поступила в редакцию – 24.03.2022 г.

Получена в доработанном виде – 04.05.2022 г.

Одобрена – 11.05.2022 г.

Сведения об авторе

Самыгин Сергей Иванович

Доктор социологических наук, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 69,
e-mail: samygin@gmail.ru

Information about author

Sergey Ivanovich Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Financial and
HR Management Department,
Rostov State University of Economics

69 Bolshaya Sadovaya St.,
Rostov-on-Don, 344002,
e-mail: samygin@gmail.ru